

<https://doi.org/10.31489/3134-9102/2026-31-2/7-25>
УДК 94(47+57)»1918/1950»:342.7-055.2

Получена: 11 февраля 2026 г. | Одобрена: 20 апреля 2026 г.

К.К. Абдрахманова*

*Карагандинский национальный исследовательский университет
имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail kimbat_abd@mail.ru)*

Женщины в системе политических репрессий СССР (1918-1950-е гг.): нормативно-правовой анализ (1 и 2 этапы)

Статья посвящена анализу советской нормативно-правовой базы политических репрессий в 1918–1950-е гг. с акцентом на гендерный аспект. В работе рассматриваются ключевые этапы становления советского репрессивного законодательства, начиная с первых декретов революционного периода и заканчивая институционализацией репрессивных практик в сталинскую эпоху. Особое внимание уделяется выявлению механизмов, посредством которых государственное насилие приобретало легитимный характер и превращалось в устойчивый инструмент политического управления обществом. Автор проанализированы основные законы, кодексы, постановления, директивные документы, раскрывающие суть и масштабы репрессивной политики в отношении женщин. Источниковую базу исследования составили декреты СНК и ВЦИК, постановления ЦИК и СНК СССР, уголовные и исправительно-трудовые кодексы, а также ведомственные акты ОГПУ и НКВД, позволившие проследить эволюцию правового оформления репрессивной системы. Гендерный подход позволяет выявить специфику положения женщин в условиях советской репрессивной политики. Показано, что, несмотря на формально закреплённый принцип равноправия, женщины подвергались репрессиям как самостоятельные субъекты преследования, а также как члены семей «врагов народа». При этом подчёркивается, что женское население оказалось особо уязвимым в условиях расширения внесудебных практик, административной высылки, принудительного труда и коллективной ответственности по признаку семейной принадлежности. Систематизировав имеющуюся нормативную базу, автор выделяет 5 этапов с 1917 по 1958 гг., где основным критерием стали нормативные документы, направленные на ужесточение или смягчение репрессивной политики в отношении женского населения. В статье рассмотрены законодательные документы двух первых этапов с 1917 по август 1937 г. Установлено, что на первом этапе происходило формирование общей правовой базы советского террора, в рамках которой женщины ещё не выделялись как особая категория жертв, однако уже включились в репрессивную практику через механизмы классового и политического преследования. На втором этапе, в условиях коллективизации, раскулачивания и усиления позиции НКВД, женщины всё чаще становились объектами репрессий не только как родственницы обвиняемых, но и как участницы социальных протестов и носители «социально опасного» статуса. В заключении автор приходит к выводу, что нормативно-правовая база политических репрессий являлась важнейшим элементом государственной политики, направленной на институционализацию насилия, а гендерный аспект репрессий отражает глубинные противоречия советской социальной и правовой системы.

Ключевые слова: нормативно-правовая база, политические репрессии, женщины ГУЛАГа, гендерный аспект, контрреволюционные преступления, «враги народа», внесудебные органы, СССР.

* Автор-корреспондент. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Введение

Формирование государственной репрессивной политики являлось закономерным процессом, обусловленным спецификой становления советской власти, большевистской идеологией, а также задачами наращивания «всеобщего страха» и сохранения политического контроля в условиях социальных трансформаций и гражданского противостояния. С первых дней прихода большевиков к власти был заложен нормативно-правовой фундамент, который законодательно регламентировал применение репрессивных мер в отношении всех категорий населения.

Особое место в системе политических репрессий занимала категория женщин, вовлечение которых в репрессивную практику носило неслучайный характер. Нормативно-правовые документы репрессивной политики, декларируя принцип равноправия между мужчинами и женщинами, фактически не учитывали гендерную специфику и социальное положение женщин, что делало их особенно уязвимыми перед механизмами государственного насилия. Женщины были подвержены репрессиям не только по индивидуальным обвинениям, но и, начиная с 1937 г., в качестве «членов семей изменников Родины». Репрессивный механизм регламентировался различными постановлениями, инструкциями и приказами силовых органов.

Анализ советской нормативно-правовой базы 1918–1950-х гг. позволяет отследить основные этапы легитимизации правовых норм политических репрессий в отношении женщин, которые не только демонстрируют формы их обвинения, наказания, изоляции и заключения, но и отражают трансформацию социального статуса (места) женщин в обществе, ставших жертвами политических репрессий. В данном контексте женский аспект представляет собой важное исследовательское поле, позволяющее более глубоко понять весь механизм репрессивной политики в отношении женщин, а также исследовать морально-психологические, социальные и демографические последствия репрессий, отразившиеся как на судьбах самих репрессированных, так и на институтах семьи и общества в целом.

Объектом нашего исследования стали нормативно-правовые документы, охватившие все население СССР (в том числе и женщин), а также документы, которые были приняты преимущественно в отношении женского населения, обвиненного как члены семей изменников Родины (ЧСИР).

Предметом исследования являются нормативно-правовые документы первых двух этапов: 1) 1917–1929 гг. и 2) 1929 г. – 15 августа 1937 г. Основанием для выделения этих этапов послужили нормативные документы, позволяющие проследить эволюцию репрессивной политики советского государства в отношении женщин.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляет широкий круг документов. Особое место занимают нормативно-правовые акты советского государства, включая декреты СНК и ВЦИК, постановления ЦИК и СНК СССР, уголовные и исправительно-трудовые кодексы, а также ведомственные инструкции органов государственной безопасности (ОГПУ, НКВД). Данные источники позволяют проследить процесс формирования и эволюцию правовых основ репрессивной политики, а также выявить механизмы её институционализации. Существенное значение имеют опубликованные сборники документов по истории ГУЛАГа, коллективизации и уголовного законодательства СССР, а также труды и переписка политических деятелей, включая В. Ленина и Ю. Мартова, позволяющие раскрыть идеологические основания репрессивной политики.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и системности, позволяющие рассматривать репрессивную политику как сложное и динамично развивающееся явление в контексте социально-политических трансформаций советского общества. В ходе исследования был использован ряд методов. В частности, историко-генетический метод позволил проследить эволюцию нормативно-правовой базы политических репрессий и выделить основные этапы её развития. Историко-сравнительный метод применялся для сопоставления различных этапов репрессивной политики и выявления изменений в правовом регулировании. Проблемно-хронологический метод обеспечил структурирование материала по этапам и ключевым проблемам. Системный анализ позволил рассмотреть репрессивную политику как целостный механизм, включающий правовые, политические и социальные элементы. Гендерный анализ позволил выявить специфику применения репрессивных мер в отношении женщин и особенности их правового положения. Историко-правовой метод был применён для анализа содержания нормативных актов и их роли в ин-

ституционализации репрессий. Комплексное применение указанных методов обеспечило объективный анализ обозначенной проблемы.

При написании научной статьи методологической базой послужили теоретические подходы и труды зарубежных ученых. В качестве одного из теоретико-методологических оснований исследования используется теория тоталитаризма, разработанная Х. Арендт [1], К. Фридрихом и З. Бжезинским [2]. Авторами данного подхода репрессивная политика рассматривается как системный и неотъемлемый элемент функционирования тоталитарного государства, направленный на установление всеобъемлющего контроля над обществом и подавление любых форм инакомыслия. Данная теория позволяет интерпретировать репрессии как целостный механизм политического управления, направленный на установление всеобщего контроля над обществом и поддержание устойчивости политического режима.

Также нами была использована теоретико-методологическая концепция политического насилия и государственного террора, представленная в трудах М. Фуко [3], Ч. Тилли [4] и Д. Гарланда [5]. В рамках данного подхода репрессии рассматриваются как легитимизированный механизм удержания власти, а насилие — как один из ключевых инструментов функционирования государства. Указанная концепция позволяет анализировать репрессивную политику не только как реакцию на угрозы, но и как стратегию управления обществом через контроль, принуждение и дисциплинирование.

Важное место в методологической основе исследования занимает гендерная история, позволяющая выявить особенности положения женщин в условиях советской репрессивной системы и проанализировать их двойную уязвимость — как граждан и как носителей социальных ролей (материнство, семья). Теоретическая опора на работы Дж. Скотта [6], Л. Виолы [7] и Ш. Фицпатрик [8] позволяет рассматривать репрессивную политику сквозь призму повседневности, социальных практик и гендерных ролей. Это способствует более глубокому пониманию механизмов включения женщин в систему политических репрессий, а также выявлению специфики их опыта в условиях функционирования советского государства.

Таким образом, комплексное использование обозначенных методологических принципов, теоретических подходов и источниковой базы обеспечивает всесторонний и объективный анализ нормативно-правовой базы политических репрессий как системного инструмента функционирования советского государства с учётом её гендерной специфики.

Результаты

Проанализировав законодательные и иные нормативные документы, мы выделяем пять этапов формирования нормативно-правовой базы политических репрессий в отношении женского населения: 1) с 1917 г. по 1929 г.; 2) с 1929 г. по 15 августа 1937 г.; 3) с 15 августа 1937 г. по 18 января 1945 г.; 4) с 18 января 1945 г. по 24 марта 1956 г.; 5) с 24 марта 1956 г. по 25 декабря 1958 г. Главным критерием для нас послужили принятые нормативные документы, которые оказали влияние на изменение траектории (ужесточение/смягчение) репрессивной политики в отношении женщин.

Установлено, что на первом этапе (1917–1929 гг.) происходит формирование общей правовой базы советского террора. В этот период были закреплены чрезвычайные меры борьбы с «контрреволюцией», введены практики внесудебного преследования, высылки, расширены перечни политических преступлений. Женщины ещё не выделялись в самостоятельный объект репрессивной политики, но уже подпадали под действие общих репрессивных механизмов как представители «социально чуждых» групп и члены семей преследуемых лиц. Несмотря на наличие отдельных послаблений для беременных женщин и матерей малолетних детей, в целом законодательство сохранило выраженный репрессивный характер.

Выявлено, что на втором этапе (1929 г. — 15 августа 1937 г.) произошла институционализация репрессивной политики. В период коллективизации, раскулачивания и форсированной индустриализации женщины стали подвергаться репрессиям не только как члены семей «врагов народа», но и как самостоятельные участницы крестьянских протестов, обвиняемые в антисоветской деятельности, вредительстве и иных нарушениях законодательства. Качественный перелом был связан с принятием оперативного приказа НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г., положившего начало новому этапу репрессивной политики в отношении жён и детей «изменников Родины».

Обсуждение

1 этап: 1917–1929 гг. Этот период связан с установлением советской власти и началом формирования нормативной базы репрессивной политики, в рамках которой под подозрение или преследование могли попасть все слои советского общества, уличённые в «неблагонадежности» или в антибольшевистских настроениях.

В.И. Ленин с первых дней прихода к власти в своем «Обращении к населению» от 5 ноября 1917 г. призывал предавать «революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства или в скрывании запасов хлеба и продуктов, или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу» [9; 65–67]. В декрете СНК от 28 ноября 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции» официально был введён термин «враги народа». В частности, документ гласил: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и приданию суду революционных трибуналов» [10; 161]. В декабре 1917 г. в проекте Декрета «О проведении в жизнь национализации банков...» В.И. Лениным были предложены такие меры наказания, как «конфискация имущества, заключение в тюрьму, отправка на фронт и на принудительные работы всем ослушникам настоящего закона» [11; 174–177]. В феврале 1918 г. В.И. Ленин поручил Народному комиссариату юстиции принять меры к увеличению числа мест заключения, улучшению условий содержания и усилению уголовной репрессии [12; 174–177]. В марте 1918 г. на заседании VII экстренного съезда РКП (б) под председательством В.И. Ленина, где принималась резолюция «О войне и мире», было принято решение: «о принятии самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян» [13; 391].

Покушение Ф. Каплан 30 августа 1918 г. на жизнь В.И. Ленина стало поводом для ужесточения репрессивной политики. Исследователь А.Л. Литвин отмечал, что Ф. Каплан была расстреляна до завершения следствия, без суда, без решения Коллегии ВЧК, по устному указанию Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова и даже без доказательств того, что стреляла именно она [14; 55]. Данный факт свидетельствует о том, что власти не были заинтересованы в выявлении личности покушавшегося. Для них был важен сам факт случившегося, чтобы перейти к тотальному истреблению тех, кого они считали «контрреволюционерами». После данного покушения ВЧК издала секретный приказ о «красном терроре» (2 сентября 1918 г.) [15; 14–15]. Согласно данному документу, аресту подлежали все враждебные советской власти элементы, в частности меньшевики, правые эсеры, представители буржуазии, помещики, торговцы и т.д. Немедленному расстрелу подлежали все лица, которые даже подозревались в контрреволюционных заговорах и восстаниях против советской власти. За разглашение данного приказа ВЧК вменялось привлекать к революционной ответственности.

Спустя три дня основные пункты приказа ВЧК были обнародованы и закреплены в постановлении СНК РСФСР о «красном терроре» (5 сентября 1918 г.). В частности, советская власть считала, что обеспечение тыла путём террора является прямой необходимостью. Для защиты Советской Республики от классовых врагов предлагалась их изоляция в концентрационные лагеря. Расстрелу подлежали все лица, имеющие отношение к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам [14; 14–15.].

Таким образом, постановление СНК создавало легитимные основания для проведения репрессивной политики в отношении широкого круга лиц, которые попадали под категорию «классовых врагов». О масштабности террора свидетельствуют данные, приведенные в статье А.Л. Литвина. Так, только за сентябрь 1918 г. было расстреляно 6185 человек, заключено в тюрьмы — 14 829, в концлагеря — 6407, стали заложниками — 4068 [14; 53]. При этом автор отмечает, что это приблизительные цифры, так как подсчитать точное количество жертв практически невозможно. Также А.Л. Литвин приводит статистические данные по жертвам красного террора комиссии Деникина. Данная комиссия была создана в конце 1919 г. для расследования деяний большевиков в 1918–1919 годах. Комиссия огласила, что жертвами красного террора стали 1 700 000 человек. По данным М.И. Лациса (чекист, большевик), за два года число арестованных ВЧК составило 128 010 человек, из них расстреляно 8641 человек [14; 55]. По мнению Г.М. Ивановой, а также множества современных российских ученых, названное число жертв красного террора «не имеет никаких научных оснований», а «установить точные цифры погибших в ходе красного террора невозможно» [16; 68].

Применение красного террора в отношении так называемых «врагов народа» усиливало и внедрение такого наказания, как «объявление врагом революции и народа» в ст. 25 Постановления НКЮ РСФСР от 28 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» (№ 66) [17; 841–844]. Введение категории «враг революции и народа» узаконило внесудебные и чрезвычайные меры наказания в советской правовой системе.

К сожалению, красный террор имел продолжение и после окончания Гражданской войны. Об этом свидетельствует речь Ю.О. Мартова (меньшевик, противник В.И. Ленина) на конгрессе Германской независимой социалистической рабочей партии в Галле в 1920 г., который уличил большевиков в бессмысленном массовом терроре против невинных людей. Он отметил: «Один тот факт, что жёны политических противников, хотя бы контрреволюционеров, или сыновья их берутся заложниками и что много раз этих заложников расстреливали в отместку за поступки отцов и мужей, свидетельствует о том, до каких пределов доходит террор» [18; 706].

Еще одним фактом, подтверждающим насилие и террор в отношении жён противников советской власти, является расправа над тамбовскими крестьянами под руководством М.Н. Тухачевского, действовавшего по приказу В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Приказ от 1 сентября 1920 г. был следующего содержания: «Провести к семьям восставших беспощадный красный террор. Арестовывать в таких семьях всех с восемнадцатилетнего возраста, не считаясь с полом, и, если бандиты будут продолжать выступления, расстрелять всех» [19; 174].

Исходя из вышеизложенного, следует, что заявления партийного руководства о вынужденном и временном характере применения террора как реакции на действия контрреволюционных сил не соответствовали действительности. Террор, репрессии и насильственное принуждение рассматривались советской властью как работающие и универсальные инструменты реализации политических и социально-экономических задач. Применение давления и насилия было закреплено в законодательной практике начала 1920-х годов.

Именно в этом контексте следует рассматривать принятие 1 июня 1922 г. первого Уголовного кодекса РСФСР, который стал результатом целенаправленной работы власти по институционализации репрессивных механизмов в стране. Ещё в период разработки кодекса В.И. Ленин вёл переписку с наркомом юстиции Д.И. Курским, где чётко указывал, что долг НКЮ — «перетряхнуть нарсуды и научить их карать беспощадно, вплоть до расстрела, это долг НКЮста. (...) карать не позорно-глупым, “коммунистически-тупоумным” штрафом в 100–200 миллионов, а расстрелом...» [20; 396–400].

В очередной переписке с Д.И. Курским от 15 мая 1922 г. В.И. Ленин рекомендовал ему расширить применение расстрела за контрреволюционные посягательства на советскую власть ещё по 6 статьям. Ранее расстрел вменялся по 7 статьям (57–63), когда люди обвинялись в «подрыве, свержении, в ослаблении советской власти» (ст. 57), в «организации в контрреволюционных целях вооружённых восстаний» (ст. 58), в «сношении с иностранными государствами» (ст. 59), в «участии в контрреволюционных организациях» (ст. 60), в «оказании помощи международной буржуазии» (ст. 61), в «организации волнений среди народных масс» (ст. 62), в «подрыве государственной промышленности, торговли и транспорта» (ст. 63). Теперь добавлены еще 6 статей (64–69), по которым могли применять высшую меру наказания — расстрел; его могли назначить за «организацию контрреволюционных террористических актов, направленных против представителей Советской власти» (ст. 64), «организацию разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных путей сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов» (ст. 65), «за участие в шпионаже» (ст. 66), «за активную борьбу против рабочего класса и революционного движения» (ст. 67), «за укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным в статьях 57–67» (ст. 68), «за пропаганду и агитацию в призыве к свержению власти Советов» (ст. 69) [21; 189].

17 мая 1922 г. В.И. Ленин направил Д.И. Курскому черновой вариант дополнительного параграфа уголовного кодекса, где предлагал ввести расстрел за пропаганду, агитацию или содействие международной буржуазии. Кроме того, основная идея В.И. Ленина заключалась в открытом закреплении сути и оправдании террора в правовом поле советского государства. Речь шла о признании террора как осознанного и оправданного инструмента государственной политики, призванного обеспечить устои советской власти. При этом подчёркивалось: «Суд должен не устранить террор, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [21; 190].

1 июня 1922 г. был принят первый Уголовный кодекс РСФСР, который являлся первым кодифицированным уголовно-правовым актом и состоял из общей и особенной частей. Особенная часть состояла из двух глав: «Государственные преступления» (глава 1) и «Должностные (служебные) преступления» (глава 2). Первая глава состояла из 2 разделов: «О контрреволюционных преступлениях» (статьи с 57 по 73) и «О преступлениях против порядка управления» (статьи с 74 по 104). В 57-й статье под контрреволюционными выступлениями понималось «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти» [22; 155]. Здесь же была включена дополнительная поправка, где к числу контрреволюционных преступлений также относилось «покушение на основные хозяйственные или политические завоевания революции», то есть действия, не будучи прямо направлены на свержение советской власти, тем не менее все же покушаются на основные завоевания пролетарской революции [22; 156]. К сожалению, данная поправка привела к существенному расширению понятия контрреволюционных преступлений. Теперь контрреволюцией становились не только прямые действия против советской власти (например, восстания, вооруженная борьба, заговор), но и любые действия или даже формы поведения, которые могли быть истолкованы как угроза политической или экономической системе советской власти. То есть любые экономические проступки, несогласие с хозяйственными мерами, критика политики власти, уклонение от повинностей, саботаж — всё это могло быть квалифицировано как контрреволюционные действия. Большевики создали для себя законный механизм подавления не только активной оппозиции, но и социально «чуждых» групп: зажиточных крестьян (кулаков), предпринимателей, лиц, обвиняемых в «вредительстве» или «саботаже». Таким образом, поправка позволяла наказывать не за совершенное свержение власти, а за потенциальную угрозу. Безусловно, это открывало путь к репрессиям и террору на последующие годы.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. были пояснения в отношении наказания женщин. В частности, в статье 33 УК РСФСР высшей мерой наказания был определен расстрел. Однако в примечании отмечалось, что «высшая мера наказания не может быть применена к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, а также к женщинам, находящимся в состоянии беременности» [22; 84]. Согласно п. 6 ст. 34 УК РСФСР в отношении беременных и женщин, имеющих малолетних детей, осужденных судебными приговорами, допускалась отсрочка приведения приговора в исполнение до истечения двух месяцев [22; 92]. Согласно статье 78 (п. 25) были освобождены от трудовой повинности только беременные женщины на период времени за 8 недель до родов и роженицы в течение 8 недель после родов; женщины, кормящие грудью, а также женщины, имеющие детей до 8-летнего возраста, при отсутствии лица, ухаживающего за ними [22; 218]. Тогда как остальные женщины обязаны были выполнять общественно полезный труд в интересах советского государства, и любое уклонение могло повлечь административную или уголовную ответственность.

Таким образом, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., изменив содержание и перечень контрреволюционных преступлений, существенно расширил границы уголовной ответственности. Уголовный кодекс 1922 г., формально закрепляя отдельные послабления лишь для беременных женщин и матерей малолетних детей, в целом оставался инструментом репрессивной политики. Трудовая повинность, несмотря на ряд исключений, подчиняла женщин общему механизму социального и политического принуждения, что создавало правовую основу для массовых репрессий независимо от половой принадлежности.

Декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. способствовал созданию системы, где государственная безопасность ставилась выше прав человека, а репрессии могли официально применяться без суда по административным нарушениям. Первый пункт декрета гласил: «В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у Президиума ВЦИК разрешение на изоляцию свыше двух месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке» [23; 147]. Последующие пункты декрета регламентировали, что процесс высылки возлагался на НКВД и НКЮ РСФСР. В постановлении о высылке на каждого человека должны были быть указаны причины высылки с обозначением места и срока ее проведения. Высланные лица лишались избирательного права [23; 147].

В дальнейшем данный декрет был существенно расширен. Так, в инструкции НКВД «О применении постановления ВЦИК об административной высылке», утвержденной 3 января 1923 г., отмечалось, что «административная высылка применяется к лицам, пребывание коих в данной местности (и в пределах РСФСР) по их деятельности, прошлому или связям с преступной средой с точки зрения охраны революционного порядка признается опасным» [23; 155]. То есть основанием к высылке при-

знавалась не установленная судом вина, а субъективная оценка «опасности» лица с точки зрения охраны революционного порядка. Кроме того, в инструкции были закреплены три формы высылки: «а) высылка из данной местности с воспрещением проживания в других определенных пунктах РСФСР; б) высылка из данной местности в определенный район РСФСР; в) высылка за пределы РСФСР, то есть за границу» [23; 156]. В последующие годы именно данные формы административной высылки (особенно вторая форма) получили наибольшее распространение и были широко использованы советской властью в период массовых депортаций целых народов. Нарушение режима высылки влекло за собой уголовную ответственность.

31 октября 1924 г. ЦИК СССР принял «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» [24]. Данный документ был первым общесоюзным актом в сфере уголовного права, заложившим основы единой общесоюзной уголовно-правовой системы. Он закрепил единые принципы для всех союзных республик, а также стал правовой базой для разработки и переработки республиканских уголовных кодексов. В данном правовом документе различали две категории преступлений: «а) направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян, и потому признаются наиболее опасными; б) все остальные преступления». В отличие от второй категории, за преступления первой категории, считавшиеся политическими, закон предписывал судам назначать строгие наказания в виде расстрела или заключения на длительный срок. Тем самым сама структура закона закладывала правовую основу для применения высшей меры наказания по политическим статьям, закрепляя приоритет охраны государственного строя над правами человека.

Также в этом документе прописывалось, что «задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и Союзных Республик себе не ставит. Все меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижение человеческого достоинства» [24]. Несмотря на то, что закон провозглашал гуманное применение наказаний и запрет унижения человеческого достоинства, практика 1920-х и последующих годов показала, что меры «социальной защиты» применялись жестко и карательно.

В 1926 г. советской властью был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, который вступил в силу с 1 января 1927 г. [25]. Данный кодекс был основным источником уголовного права для Казахской АССР, поскольку КазАССР до 1936 г. входила в состав РСФСР в качестве автономной республики. Однако несмотря на то, что по Конституции 1936 г. была образована новая союзная республика — Казахская ССР, на ее территории по-прежнему продолжал действовать УК РСФСР. Основная причина была связана со статьей 14 Конституции СССР, которая установила, что уголовное, а равно гражданское и процессуальное законодательство относятся к ведению СССР [26; 13].

В новом Уголовном кодексе РСФСР первая глава «Преступления государственные» состояла из двух подразделов — «Контрреволюционные преступления» (58-я ст.) и «Особо для СССР опасные преступления против порядка управления» (59-я ст.). По содержанию 58-я статья являлась политической, тогда как 59-я статья (1–13 пункты) имела административно-хозяйственный и организационный характер, хотя и могла косвенно использоваться в политическом преследовании. 59-я статья в основном охватывала действия против порядка управления, нарушения административных обязанностей и т.д.

6 июня 1927 г. в УК РСФСР были внесены небольшие редакционные изменения. Знаменитая 58-я статья, считавшаяся «политической», состояла из 14 пунктов: «Общее понятие контрреволюционного преступления», «Вооружённое восстание и захват власти», «Сношение с иностранными государствами в контрреволюционных целях», «Оказание помощи международной буржуазии», «Подстрекательство», «Шпионаж», «Вредительство», «Террор», «Диверсия», «Контрреволюционная пропаганда и агитация», «Саботаж», «Недонесение о контрреволюционном преступлении».

В отношении меры наказания беременных женщин по-прежнему действовала статья: «Не могут быть приговорены к расстрелу лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста в момент совершения преступления, и женщины, находящиеся в состоянии беременности» [25; 11].

Таким образом, Уголовный кодекс 1926 г. закреплял приоритет защиты советской власти над правами человека. Несмотря на формальное разделение на политические (ст. 58) и административно-хозяйственные (ст. 59) преступления, на практике обе статьи создавали широкие возможности для произвольного применения закона. Статья 58 стала основным инструментом политического преследования, а статья 59 использовалась для давления на граждан и организации, а также для косвенного

преследования по политическим мотивам. Всё это демонстрировало тесное сращивание уголовного и политического законодательства советского государства.

Хотелось бы отметить, что в 1920-е гг. был принят ряд нормативных актов, касающихся женщин. В частности, 29 января 1921 г. было принято Постановление НКЮ, НКТруда и Всероссийской чрезвычайной комиссии «О воспреещении заключения под стражу осужденных за трудовое дезертирство и прочие поступки против трудовой дисциплины женщин — беременных или имеющих при себе детей до трёхлетнего возраста» [23; 87]. Основной целью постановления было предотвращение чрезмерного наказания женщин (либо беременных, либо с малолетними детьми). Запрещалось заключать под стражу беременных женщин и матерей с детьми до трёх лет. Для матерей, имеющих детей в возрасте от 3 до 8 лет, предусматривались ограничительные меры, но только в случае отсутствия лиц, способных ухаживать за ребёнком.

В статье 42 Исправительно-трудового кодекса РСФСР от 16 октября 1924 г. было прописано: «Отбывающие принудительные работы без содержания под стражей женщины, начиная с пятого месяца беременности, не подлежат посылке на работы вне своего постоянного места жительства без их на то согласия» [23; 186]. Неоднократно применялись и амнистии в отношении женщин. В частности, Декрет ВЦИК от 5 марта 1923 г. «Об условно-досрочном освобождении заключенных женщин ко дню празднования интернационального дня работницы» [23; 157] был ориентирован на смягчение наказания для тех, чьи преступления были связаны с трудовыми и социальными условиями. Согласно данному документу, амнистия применялась только к тем женщинам, которые уже отбывали наказание. Амнистия не предполагала полного освобождения от наказания, а лишь предоставляла шанс на освобождение до половины срока наказания.

Декрет ЦИК СССР от 22 февраля 1924 г. «Об условно-досрочном освобождении заключенных женщин ко дню празднования дня работницы» [23; 199] расширил условия амнистии. Теперь амнистия распространялась на женщин, отбывших половину и более срока наказания. Были расширены полномочия распределительных комиссий, которые получили право возбуждать ходатайства об условно-досрочном освобождении женщин. Кроме того, в декрете указывалось, что амнистия 1923 г. показала свою эффективность, поскольку «освобожденные женщины вернулись к честному труду» [23; 199].

5 марта 1924 г. было принято Постановление НКЮ и НКВД «Инструкция по применению амнистии к Международному дню работниц» [23; 170]. Данный документ конкретизировал правила применения амнистии в отношении женщин. Амнистия распространялась на женщин, которые относились к трудовым слоям населения. Она применялась исключительно в форме условного досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы или в виде принудительных работ без содержания под стражей. На другие виды наказания амнистия не распространялась. Кроме того, в пунктах 3 и 4 было указано, что для женщин, отбывших половину или более срока, амнистия применялась по решению специальных комиссий в местах отбывания наказания. В случае же с женщинами, отбывшими менее половины срока, решение о применении амнистии принималось распределительной комиссией и судом.

Таким образом, на первом этапе (1917–1929 гг.) в советском государстве сформировалась система репрессивной политики, основанная на идеях жёсткого подавления «враждебных элементов». Террор, аресты, ссылки и лагеря стали обычной практикой, особенно в условиях Гражданской войны. Постепенно наказания начали распространяться не только на участников сопротивления, но и на их семьи, включая женщин. Хотя специальных законов против женщин не существовало и иногда предусматривались послабления, это не защищало их от преследований. В целом в 1920-е гг. была создана правовая и политическая база, которая узаконила репрессии и подготовила почву для ещё более масштабных преследований в дальнейшем.

2 этап: 1929 — август 1937 гг. В этот период советская власть ориентировалась на достижение ускоренного экономического роста за счёт подъёма народного хозяйства и политики форсированной индустриализации. Для реализации данных задач активно использовался потенциал карательно-репрессивной системы. Формирование системы принудительного труда стало для советской власти главным инструментом не только для устранения идеологических противников, но и для эксплуатации их бесплатного труда. Именно в этот период было принято значительное количество нормативно-правовых актов, чётко регламентировавших условия, формы и методы репрессивного воздействия в отношении «врагов советской власти» и членов их семей, включая лишение свободы, высылку,

ссылку и направление в специальные поселения. Принятые в этот период законодательные документы, безусловно, распространялись и на женское население.

Новый этап обострённой классовой борьбы начался в 1929 г. с провозглашением И. Сталиным политики «Великого перелома», в рамках которой репрессивные меры были в первую очередь направлены против крестьянства [27; 740–742]. Следует отметить, что государственная репрессивная политика не распространялась исключительно на мужчин. Женщины включались в категорию «классово чуждых элементов» как члены крестьянских и кулацких хозяйств, а, следовательно, также подвергались различным формам принудительного воздействия — высылке, лишению всего имущества, разрыву семейных связей и вовлечению в систему принудительного труда.

Если ранее в отношении крестьян использовали статьи 60 (неплатёж в установленный срок налогов и сборов), 61 (отказ о выполнения повинностей), 62 (сокрытие имущества) и 107 (спекуляция) УК РСФСР 1926 г., которые позволяли лишать «кулаков» свободы с конфискацией имущества на срок от 1 до 2 лет, то согласно директиве Политбюро ЦК ВКП (б) ОГПУ и НКЮОстам «Об усилении репрессий» от 3 октября 1929 г. разрешались репрессии против «кулаков» и контрреволюционеров с применением высшей меры наказания — расстрела [27; 714]. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. давало право на заключение осужденных «кулаков» в концлагеря [28; 126]. Важное место в нормативной базе при реализации сплошной коллективизации стало постановление ЦИК и СНК от 1 февраля 1930 г. «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» [29; 50–51]. Согласно данному постановлению, члены семей кулаков, высланных (вторая категория кулаков) и заключённых в концлагеря (первая категория кулаков), при согласии местных властей могли остаться в своем районе проживания [29; 50].

Однако уже на следующий день, 2 февраля 1930 г., вышел приказ ОГПУ «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса», который существенно ужесточал ранее принятые положения [28; 163–167]. Во-первых, было предписано «массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества». Во-вторых, было отмечено, что «семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к высшей мере наказания, должны быть высланы в северные районы Союза, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, с учетом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих семейств». В-третьих — «имущество таких семейств конфискуется в том же порядке, что и у выселяемых семейств кулаков» [28; 163–167]. То есть, если в первом документе (от 1 февраля) семьям выселяемых и заключённых кулаков давалась возможность при согласии местных властей остаться на месте, то согласно второму документу (от 2 февраля) вопрос о высылке даже не подлежал обсуждению.

Об активном участии женщин в крестьянском сопротивлении свидетельствуют различные рапорты, отчётные документы и справки. Например, в Ростове-на-Дону в декабре 1929 г. главными инициаторами выступления против хлебозаготовки были женщины, собравшие «колокольным звоном более 1 тысячи человек» [28; 92]. В Ставрополе около 50 женщин «стали выгонять из кварталов комиссии по хлебозаготовкам, не давали забирать хлеб у индивидуально обложенных и оштрафованных. Женщины были вооружены дубинками, палками и топорами» [28; 95–96]. На Украине происходили аналогичные процессы: «В Белоцерковском и Коростенском округах группы женщин в 50 и 100 чел., сорганизованные кулаками, вышли в поле с требованием прекращения землеустроительных работ по нарезке земли колхозам, а в с. Щербатовке Малинского района толпа женщин в 100 человек в течение трех дней не давала приступить к вспашке земли, принадлежащей колхозу. Сагитированные кулачеством женщины нередко являются инициаторами срыва общих собраний по вопросу о коллективизации, зачинщиками и участниками массовых выступлений против коллективизации» [28; 157].

В некоторых документах были зафиксированы факты, когда женщин арестовывали вместе с малыми детьми: «За 12 дней в Анненском районе Центрально-Черноземной области было арестовано 114 человек. Среди арестованных имелись и женщины с грудными детьми» [28; 245].

Масштабность участия женщин в крестьянских выступлениях была немалая. К примеру, в Тамбовской области в январе 1930 г. было зафиксировано 29 выступлений с общим количеством участников до 20 тысяч человек. Из 29 выступлений 17 (59 %) были организованы женщинами, численность которых составляла 9370 человек, или 47 % [28; 249].

Общая ситуация была охарактеризована в докладной записке Секретно-политического отдела ОГПУ «О формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г.». Из документа следует, что в 1929 г. из 1307 массовых выступлений в 486 случаях они были исключительно женскими по составу участников, а в 67 массовых выступлениях женщины среди участников преобладали. В 1930 г., по неполным данным, было учтено свыше 3700 выступлений, почти исключительно женских по составу участников. В первой половине года массовые выступления с преобладанием женщин среди участников составляют 32 % к общему числу выступлений. Во втором полугодии процент женских выступлений поднимается до 40 %, достигая в сентябре и октябре 54-55 % [28; 793]. Основными причинами женских выступлений являлось противодействие хлебозаготовительным компаниям, прежде всего опиесям имущества и изъятию хлеба.

В этот период аналогичная репрессивная политика проводилась в Казахстане в отношении байства, то есть наиболее зажиточной прослойки казахского общества. Исследователь А.Р. Кукушкина в своей монографии приводит интересный документ из архива КНБ РК. В частности, это обвинительное заключение по обвинению баев Шетского района по ст. 58/2, 8, 10, 11 и 59/3 УК РСФСР от 17 июня 1931 г. в том, что они создали банду и готовили казахское население к откочёвке в Китай, вооружённое восстание в СССР и организацию автономного казахского ханства. Согласно данному документу к обвинению было представлено 113 человек, из них 7 женщин (жёны баев). Всё их имущество было конфисковано. 35 человек были приговорены к расстрелу, остальные — сосланы в лагеря на принудительные работы [30; 21].

Следует отметить, что во многих случаях данные выступления носили организованный характер, сопровождалось активным сопротивлением местным властям, нападениями на советских работников и активистов, а также разгромом сельских советов и других общественных учреждений. В условиях коллективизации женщины перестают рассматриваться советской властью исключительно как «социально нейтральная» группа и всё чаще включаются в репрессивный механизм как активные участницы «антисоветской деятельности». Это, в свою очередь, способствовало легитимизации применения к ним мер административного и уголовного воздействия, а также свидетельствует о гендерном расширении рамок классовой борьбы в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [31; 453-454] было принято в период завершения сплошной коллективизации и нарастания социально-экономического кризиса в сельской местности, сопровождавшегося дезорганизацией сельскохозяйственного производства, неурожаем и массовым голодом. Согласно данному постановлению общественная (государственная, колхозная, кооперативная) собственность являлась основой советского строя и провозглашалась «священной и неприкосновенной». Соответственно, лица, покушавшиеся на общественную собственность, считались «врагами народа». Подобное идеологическое положение фактически переводило имущественные преступления из сферы уголовного права в политическую борьбу. К «врагам народа» власть законодательно регламентировала применение жёстких репрессивных мер. Использование размытых правовых понятий, таких как «хищение» и «противообщественные элементы», не закреплённых в виде конкретных составов преступления, создавало условия для увеличения правового бесправия. Данный нормативный документ получил в народе название «закон о трех (пяти) колосках», который предписывал расстрел с конфискацией всего имущества или при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. Даже незначительные хищения могли квалифицироваться как тяжёлые государственные преступления. Государство пренебрегало тем фактом, что люди были вынуждены совершать так называемые государственные преступления ради выживания. Жестокость данного закона выражалась в отсутствии амнистии в отношении осужденных лиц. Только после смерти И. Сталина появилась возможность реабилитации, но только в судебном порядке.

Для усиления законности применения данного постановления 19 сентября 1932 г. властями была принята инструкция по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 16 сентября 1932 г. [31; 477-479]. Будучи подзаконным актом с грифом «секретно», инструкция была адресована прежде всего судебным и прокурорским органам, а также ОГПУ, что подчёркивало её карательную направленность. Её особенностью стало закрепление социально-классового принципа ответственности: мера наказания зависела не только от характера преступления, но и от социальной принадлежности обвиняемого («кулак», «бывший торговец»,

«социально-чуждый элемент»). В отношении указанных категорий инструкция предписывала применять расстрел даже при единичных и незначительных хищениях. В целом инструкция стала одним из главных инструментов массовой реализации «закона о трёх колосках», закрепив репрессивный характер советской правовой системы начала 1930-х гг.

В этот же период ЦИК и СНК СССР приняли ещё одно не менее важное постановление — «О борьбе со спекуляцией» (22 августа 1932 г.), в котором ОГПУ, органы прокуратуры и органы местной власти обязывались «принять меры к искоренению спекуляции, применяя к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от 5 до 10 лет без права применения амнистии» [31; 912]. Принятый документ также носил выраженный карательно-репрессивный характер. Экономические правонарушения, связанные с торгово-посреднической деятельностью, фактически были приравнены к тяжким уголовным преступлениям.

Постановление ЦИК СССР от 14 марта 1933 г. «Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты» [32; 219-220] не содержало прямых указаний на репрессии в отношении женщин. Однако с учётом высокой активности властей по привлечению женщин в административный, хозяйственный и производственный аппарат в условиях форсированной индустриализации и сплошной коллективизации нельзя исключать, что действие данного нормативно-правового акта распространялось и на женщин-служащих, которые наравне с мужчинами привлекались к уголовной ответственности по обвинениям во вредительстве и контрреволюционной деятельности.

1 августа 1933 г. властями (ВЦИК и СНК РСФСР) был принят новый Исправительно-трудовой кодекс, заменивший Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г., где по условиям приёма и содержания имелись существенные изменения: статья 46 «Женщины, лишённые свободы, могут иметь при себе детей в возрасте до четырёх лет. Для этих детей обязательно организуются ясли» и статья 47 «В местах лишения свободы женщины обязательно размещаются отдельно от мужчин, а несовершеннолетние — отдельно от взрослых» [15; 79]. В предыдущем кодексе (1924 г.) только в статье 109 прописывалось, что «При приёме в исправительно-трудовое учреждение заключённых женщин по их желанию принимаются и их грудные дети» [33; 28].

Сравнение статей показывает переход от ограничительного допуска пребывания при заключённых женщинах только грудных детей к институционализации присутствия детей в возрасте до 4 лет (то есть не только грудных, но и старшего возраста) в системе исправительно-трудовых учреждений. Данное нормативное нововведение отражает не гуманизацию пенитенциарной системы, а напротив, адаптацию репрессивного аппарата к массовому и длительному лишению свободы женщин, а также нормативное «оформление материнства» в условиях несвободы. Если по ИТК РСФСР 1924 г. ребёнок допускался при матери как исключение, то по ИТК РСФСР 1933 г. ребёнок был институционально включён в систему исправительно-трудовых учреждений, что выразилось, в частности, в обязательной организации яслей при лагерях. Сам факт создания яслей в системе исправительно-трудовых учреждений свидетельствовал о том, что ребёнок перестаёт рассматриваться как временное исключение и становится учётным элементом лагерной системы. Новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, вступивший в силу 1 января 1934 г., тем самым создал нормативную основу для функционирования репрессивной системы в условиях массового лишения свободы, в том числе в отношении женщин. А также стал важным элементом правовой базы, который обеспечивал реализацию репрессивной кампании в последующие годы.

Логическим продолжением ужесточения уголовно-правовой политики явилось Постановление ЦИК СССР «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине» от 8 июня 1934 г. [34; 485-486].

Нормативный документ был направлен на юридическое закрепление понятия «измена Родине» как одного из ключевых политических преступлений. Согласно статье 1.1 под «изменой Родине» понимались действия советских граждан, наносящие ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности территории. К таким действиям относились: шпионаж, выдача государственной или военной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелёт за границу. Статья предусматривала высшую меру наказания в виде расстрела с конфискацией имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы сроком на 10 лет. Те же преступления, совершённые военными, карались исключительно расстрелом с конфискацией всего имущества. Новшеством данного документа в советской юридической практике явилось введение уголовной и адми-

нистративной ответственности членов семьи обвиняемого военнослужащего. Согласно статье 1.3 совершеннолетние члены семьи изменников Родины, осведомлённые о подготовке измены Родине, привлекались к уголовной ответственности в виде лишения свободы сроком от 5 до 10 лет с конфискацией имущества. При этом остальные члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении на момент совершения преступления, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдалённые районы Сибири на 5 лет. Статья 1.4 данного Постановления устанавливала уголовную ответственность для военнослужащих за недонесение о готовящейся измене с наказанием в виде лишения свободы сроком до 10 лет. Таким образом, доносительство оформлялось как юридическая обязанность, а молчание приравнивалось к соучастию в государственном преступлении.

Следует отметить, что, хотя документ формально не имел гендерной направленности, его статьи, особенно касающиеся членов семей военнослужащих, непропорционально затрагивали женщин (жён, матерей, сестёр) и детей, которые становились объектами репрессий по признаку родства, лишались гражданских прав и подвергались ссылке без прямого обвинения. В этом смысле постановление впервые в советской юридической практике не только закрепило понятие «измена Родине», но и стало важным инструментом косвенных репрессий в отношении женщин, встроенным в правовой механизм государственного террора.

Последствия Постановления «... об измене Родине» не заставили себя долго ждать. 20 июля 1934 г. СНК и ВЦИК РСФСР приняли постановление «О дополнении действующего Уголовного Кодекса РСФСР ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г» [35; 234]. Все пункты постановления от 8 июня 1934 г. были включены в новый текст Уголовного кодекса 1926 г. в виде дополнительных статей, что придавало им обязательную юридическую силу и обеспечило широкое применение на практике.

2 октября 1934 г. была принята Инструкция ЦИК СССР о выборах в Советы в 1934-1935 гг., которая чётко определила круг лиц, лишённых избирательных прав [34; 735–743]. В документе подробно были перечислены социальные, экономические и политические категории граждан, признанные социально чуждыми, включая эксплуататорские слои, торгово-ростовщические элементы, кулачество, бывших участников белых армий, служителей религиозных культов, а также административно высланных и осуждённых. Включение этих лиц в специальные списки, утверждаемые органами советской власти, с одной стороны, обеспечивало их административный учёт и контроль, а с другой — создавало правовые предпосылки в любой удобный момент применить к ним меры репрессивного характера.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 г. «О передаче исправительно-трудовых учреждений народных комиссариатов юстиции союзных республик в ведение НКВД СССР» [15; 93] юридически закрепило передачу системы исправительно-трудовых учреждений под тотальный контроль Народного комиссариата внутренних дел. НКВД, созданный в 1934 г., объединил в себе функции государственной безопасности, милиции и управления системой принудительного труда, что способствовало дальнейшей институционализации репрессивного механизма советского государства.

Постановление ЦИК и СНК СССР «Об особом совещании при НКВД СССР» от 5 ноября 1934 г. юридически закрепило внесудебный порядок применения наказаний в отношении лиц, признаваемых «общественно-опасными». Так, согласно статье 1, НКВД мог назначить ссылку или высылку сроком до 5 лет, включая запрет проживания в столицах и крупных промышленных центрах (ст. 1, п. «а»), «б»), а также заключение в исправительно-трудовые лагеря на аналогичный срок (ст. 1, п. «в»). Также постановление предусматривало возможность высылки за пределы СССР иностранных подданных, признанных опасными (ст. 1, п. «г»). Для реализации данных мер, согласно статье 2, при НКВД учреждалось Особое совещание, действовавшее под его председательством и состоявшее из представителей силовых структур [15; 94].

Таким образом, Особое совещание становилось специализированным административно-карательным органом, наделённым правом принимать решения о применении репрессивных мер без судебного разбирательства. Хотя в заседаниях должен был участвовать прокурор СССР или его заместитель, обладавший правом протеста (статья 3), сам механизм оставался внесудебным, что значительно расширило полномочия НКВД. Введение данного органа обеспечило правовую основу для оперативного применения ссылок, высылки и лагерного заключения в конце 1930-х гг.

Убийство члена Политбюро ЦК ВКП (б) и Президиума ЦИК СССР С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. стало важным политическим поводом для резкого ужесточения репрессивных механизмов в СССР. Практически сразу после этого события были приняты нормативные акты, направленные на ускоре-

ние расследования и рассмотрения дел о «террористических актах», а также на расширение полномочий органов государственной безопасности. Складывается впечатление, что трагедия была использована как основание для узаконения заранее подготовленных мер, усиливающих репрессивный курс государства. В частности, Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 г. закрепило ускоренный порядок ведения следствия дел (ст. 1), исключило возможность обжалования приговоров (ст. 2), предусматривало немедленное исполнение высшей меры наказания (ст. 3) [15; 95].

В этот же день было подписано Постановление ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Постановление предписывало: «1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней. 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. 3. Дела слушать без участия сторон. 4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать. 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора» [15; 95]. Эти нормы существенно сократили процессуальные процедуры и фактически ликвидировали правовые гарантии обвиняемых, тем самым способствуя дальнейшему превращению законодательства в инструмент государственного террора.

30 июля 1937 г. под грифом «Совершенно секретно» за подписью народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова был опубликован оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» [15; 96–106]. Операцию планировалось начать во всех республиках, краях и областях с 5 августа 1937 г. Мероприятие должно было охватить широкие слои населения: кулаки (когда-то скрывшиеся от репрессий или бежавшие из лагерей, ссылки и трудпосёлков); церковники и сектанты как бывшие активные участники антисоветских выступлений; члены антисоветских политических партий (эсеры, грузмеки, дашнаки, муссаватисты, иттихадисты и др.); бывшие активные участники бандитских восстаний, белые, каратели, репатрианты; уголовники (бандиты, грабители, контрабандисты, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады).

В рамках реализации данного приказа все указанные выше группы населения подлежали строгому разделению по степени «социальной опасности» и мере наказания. Все репрессируемые были поделены на две категории. К первой категории относились лица, признанные наиболее враждебными советской власти. В отношении них предусматривались немедленный арест с применением высшей меры наказания — расстрела. Ко второй категории относились лица, считавшиеся менее активными, но имевшие признаки «антисоветской» направленности. Они подлежали аресту и осуждению на длительный срок (от 8 до 10 лет) с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях [15; 98].

В этом же приказе была детально регламентирована судьба членов семьи репрессируемых. В документе прямо указывалось, что семьи лиц, отнесенных к первой и ко второй категориям, подлежат учёту и постоянному контролю со стороны органов НКВД. Тем самым формировалась система всеобщего надзора, направленная на предотвращение возможной «антисоветской активности» со стороны родственников репрессированных. Особо оговаривались случаи, подпадающие под более жёсткие меры воздействия. Так, семьи, члены которых рассматривались как потенциально способные к активным антисоветским действиям, по особому решению судов «троек» подлежали выселению в лагерь и трудпосёлки. Причем было уточнение: семьи лиц, репрессированных по первой категории и проживавших в пограничных зонах, подлежали принудительному переселению за пределы этих территорий. Аналогичные меры применялись в отношении семей, проживавших в крупнейших административных и стратегически значимых центрах страны (Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси, Баку, Ростов-на-Дону, в районах Сочи, Гагры и др.). Они подлежали выселению с возможностью выбора нового места жительства, но с исключением приграничных районов [15; 100].

Продолжением данных мер стало решение высшего партийного органа — Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 июля 1937 г., которым было одобрено предложение НКВД о заключении в лагеря сроком от 5 до 8 лет всех «жен изменников родины» — членов правотроцкистской шпионско-диверсионной организации. Одновременно было дано предписание организовать специальные лагеря на территории Нарымского края и Тургайского района Казахстана. Дети репрессированных родителей в возрасте до 15 лет подлежали передаче на государственное обеспечение в детские дома и закрытые интернаты. Вопрос с детьми старше 15 лет решался в индивидуальном порядке [36; 229–230]. Содержание документа свидетельствует о введении практики репрессий по признаку семейной принадлежности, что про-

тиворечило базовым принципам уголовного права. Женщины в данном случае выступают не как самостоятельные субъекты правовых отношений, а как производные от статуса своих мужей. Основным основанием для их репрессирования явилась их связь с «врагами народа». Это позволяет говорить о формировании категории так называемых «членов семей изменников родины» (ЧСИР), ставшей важным элементом репрессивной политики конца 1930-х гг. Кроме того, документ свидетельствует о создании специализированной лагерной инфраструктуры (в частности, в Нарымском крае и Тургайском районе Казахстана), что указывает на целенаправленную подготовку к массовому размещению репрессированных женщин. Это, в свою очередь, подтверждает заранее спланированный и системный характер репрессивной кампании. Логическим продолжением и нормативным закреплением данных процессов стал оперативный приказ НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины» [15; 234–238]. Его принятие ознаменовало качественный перелом в развитии репрессивной политики. Приказ стал одним из самых первых документов, регламентирующих наказание жён и детей «врагов народа» и заложивших основу для системного давления на семьи репрессированных. С этого документа начинается третий этап формирования нормативно-правовой базы репрессивной политики в отношении женского населения. Третий, четвертый и пятый этапы будут проанализированы в следующей статье.

Таким образом, период с 1929 по август 1937 г. стал переходным этапом институционализации советской репрессивной политики, когда наказания распространялись на женщин как на самостоятельных обвиняемых и членов семей «врагов народа», закрепляясь в нормативно-правовых документах и создавая основу для последующего ужесточения репрессий с августа 1937 г.

Заключение

Анализ нормативно-правовой базы двух этапов позволяет прийти к следующим выводам:

1. За период с 1917 г. по 1929 г. отслеживается институционализация репрессивной политики. Этот процесс был основан на идеях В.И. Ленина и его призывах к жестким мерам наказания для «враждебных элементов» (внедрение революционного суда, термина «враг народа», включение таких мер, как конфискация имущества, заключение в тюрьму, отправка на фронт и на принудительные работы, увеличение числа мест заключения и т.д.). Использование террора и репрессий (аресты, расстрелы, высылки, концентрационные лагеря) стало неотъемлемой частью политической практики большевистского государства. В условиях революции и гражданской войны террор воспринимался как необходимый инструмент для создания и защиты нового социалистического государства. Именно в ходе антисоветских восстаний начала 1920-х гг. впервые на практике советская власть начала наказывать не только мужчин — участников сопротивления, но и их жён и родственников, что привело к включению женщин в число отдельных объектов политических репрессий независимо от личной вины или её политической активности. Уголовные кодексы 1922 и 1926 гг. закрепили политическое преследование и наказание как главный инструмент борьбы с инакомыслием. Особое внимание стоит обратить на место женщины в этой репрессивной системе. В обозначенный хронологический период нами не было обнаружено специального репрессивного законодательства в отношении женщин. Были отмечены отдельные нормы, смягчающие наказание для женщин, включая исключение их из числа тех, кто может быть приговорён к расстрелу, или предоставление отсрочки для беременных и матерей. Но это не даёт нам права утверждать, что в целом женщины не подвергались репрессиям. Обобщая, следует отметить, что нормативно-правовые акты репрессивной политики 1920-х гг. не только обеспечивали стабильность советской власти за счет подавления оппозиции, но и создавали законодательную основу для массовых политических репрессий последующих лет.

2. Период с 1929 по август 1937 гг. представлял собой переходный этап в развитии советской репрессивной политики, когда репрессии институционализировались и распространялись на более широкий круг «социально опасных» категорий населения, включая членов семей репрессированных. Женщины в этих условиях оказались особо уязвимы, так как подвергались наказаниям не только как самостоятельные обвиняемые, но и как жёны, матери и родственницы «врагов народа». В правовой сфере был принят ряд документов, закреплявших нормативные основания для привлечения женщин к принудительному труду, высылке и ограничению имущественных прав. Эти меры создавали правовую и административную основу, подготовившую переход к более жёсткому этапу, начавшемуся с августа 1937 г., когда впервые были официально закреплены отдельные нормы, прямо регулирующие репрессии в отношении женщин как особой категории жертв политического террора. В целом данный этап характеризовался дальнейшей централизацией органов принуждения, усиления роли НКВД и

формированием устойчивых механизмов внесудебного преследования, закреплённых в нормативно-правовых документах первой половины 1930-х г., что обеспечивало возможность развертывания массовых репрессий в последующий период.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН AP26104679 «Женщины казахстанских лагерей ГУЛАГа: стратегии выживания, лагерная повседневность» (ГФ Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан) на 2025–2027 гг.

Список литературы

- 1 Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова; пер. с англ. — М.: ЦентрКом, 1996. — 672 с.
- 2 Friedrich C.J. Totalitarian Dictatorship and Autocracy / C.J. Friedrich, Z.K. Brzezinski. — Cambridge: Harvard University Press, 1956. — 346 p.
- 3 Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.
- 4 Tilly C. The Politics of Collective Violence / C. Tilly. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 263 p.
- 5 Garland D. Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory / D. Garland. — Chicago: University of Chicago Press, 1990. — 303 p.
- 6 Scott J.W. Gender and the Politics of History / J.W. Scott. — New York: Columbia University Press, 1988. — 242 p.
- 7 Viola L. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements / L. Viola. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — 296 p.
- 8 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. — Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 336 с.
- 9 Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — Москва: Политиздат, 1974. — Т. 35. К населению. — 634 с.
- 10 Декреты Советской власти. — Москва: Гос. изд-во политической литературы, 1957. — Том I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — 623 с.
- 11 Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — Москва: Политиздат, 1974. — Т. 35. Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и необходимости в связи с этим мерах. — 634 с.
- 12 Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — Москва: Политиздат, 1974. — Т. 54. Дополнения к проекту Постановления СНК о разграничении функций ВЧК и следственной комиссии при Петроградском Совете. — 634 с.
- 13 Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — Москва: Политиздат, 1975. — Т. 36. Резолюция о войне и мире. — 886 с.
- 14 Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1917–1922 / А.Л. Литвин // Отечественная история. — 1993. — № 6. — С. 46–62.
- 15 ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. — Москва: МФД, 2000. — 888 с.
- 16 Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г.М. Иванова. — Москва: Наука, 2006. — 438 с.
- 17 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства за 1919 г. — Москва: Гос. издательство политической литературы, 1943. — 886 с.
- 18 Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1919–1920 гг. / отв. ред. З. Галили и А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. — М.: РОССПЭН, 2000. — 936 с.
- 19 Авторханов А. Ленин в судьбах России: Главы из книги. Власть — все, идеи — ничто / А. Авторханов // Новый мир. — 1991. — № 1. — С. 165–179.
- 20 Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — Москва: Политиздат, 1970. — Т. 44. Письмо Д.И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях НЭП, февраль 1922 г.». — 754 с.
- 21 Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 45. Дополнение к проекту водного закона к Уголовному Кодексу РСФСР и письма Д.И. Курскому. — 762 с.
- 22 Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 г. с предисловием Д.И. Курского. — М.: Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1924 — 446 с.
- 23 Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / сост.: проф. А.А. Герцензон. — Москва: Госюриздат, 1953. — 464 с.
- 24 Постановления Президиума ЦИК СССР «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик» от 31 октября 1924 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2237.htm?utm_source
- 25 Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. — Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950. — 256 с.
- 26 Конституция СССР 1936 г. — Москва: Издание ЦИК СССР, 1937. — 37 с.

- 27 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: [в 5-ти т.] / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. — 880 с.
- 28 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы [в 5-ти тт.] / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — Т. 2. — 927 с.
- 29 Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: высылка, спецпоселение. 1930–1940: [в 2 книгах] / отв. ред. Н.Н. Покровский. — Москва: РОССПЭН, 2005. — Кн. 1. — 909 с.
- 30 Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жён «изменников родины»: история и судьбы / А.Р. Кукушкина. — Караганда: Trade Елена и К, 2002. — 184 с.
- 31 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы [в 5-ти тт.] / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — Т. 3. Конец 1930–1933. — 1008 с.
- 32 Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1933 г. Отдел первый. — Москва, 1948. — 932 с.
- 33 Исправительно-трудовой кодекс РСФСР с дополнениями по 15 августа 1925 г. — Ленинград: Издательство «Рабочий суд», 1925. — 73 с.
- 34 Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. — М., 1948. — 983 с.
- 35 Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. — М., 1935. — 370 с.
- 36 Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. — Москва: МФД, 2002 — 631 с.

К.К. Абдрахманова

КСРО-дағы саяси қуғын-сүргін жүйесіндегі әйелдер (1918–1950 жж.): нормативтік-құқықтық талдау (1 және 2 кезеңдер)

Мақала 1918–1950 жылдардағы Кеңес Одағындағы саяси қуғын-сүргіннің нормативтік-құқықтық базасын гендерлік аспект тұрғысынан талдауға арналған. Зерттеуде кеңестік репрессивтік заңнаманың қалыптасуының негізгі кезеңдері қарастырылады: революциялық кезеңнің алғашқы декреттерінен бастап сталиндік дәуірдегі репрессивтік тәжірибелердің институционалдануына дейін. Мемлекеттік зорлық-зомбылықтың легитимді сипатқа ие болып, қоғамды саяси басқарудың тұрақты құралына айналуына мүмкіндік берген тетіктерді айқындауға ерекше назар аударылған. Автор әйелдерге қатысты репрессивтік саясаттың мәні мен ауқымын ашып көрсететін негізгі заңдарды, кодекстерді, қаулылар мен директивалық құжаттарды талдайды. Зерттеудің дереккөздік базасын ХКК мен БОАК декреттері, КСРО ОАК мен ХКК қаулылары, қылмыстық және түзету-еңбек кодекстері, сондай-ақ ОГПУ мен НКВД-ның ведомстволық актілері құрайды, бұл репрессивтік жүйенің құқықтық рәсімделу эволюциясын қадағалауға мүмкіндік берді. Гендерлік тәсіл кеңестік репрессивтік саясат жағдайындағы әйелдер жағдайының ерекшеліктерін айқындауға мүмкіндік жасайды. Зерттеу нәтижесінде формальды түрде жарияланған теңдік қағидатына қарамастан, әйелдер қуғын-сүргінге дербес қудалау нысаны ретінде де, сондай-ақ «халық жауларының» отбасы мүшелері ретінде де ұшырағаны көрсетіледі. Сонымен қатар соттан тыс тәжірибелердің кеңеюі, әкімшілік жер аудару, мәжбүрлі еңбек және отбасылық тиесілігіне қарай ұжымдық жауапкершілік жағдайында әйелдердің ерекше осал топқа айналғаны айтылған. Қолданыстағы нормативтік базаны жүйелеу негізінде автор 1917–1958 жылдар аралығын қамтитын бес кезеңді бөліп көрсетеді. Бұл кезеңдер әйелдерге қатысты репрессивтік саясатты күшейту немесе жұмсартуға бағытталған нормативтік құжаттар негізінде айқындалған. Мақалада 1917 жылдан 1937 жылдың тамызына дейінгі алғашқы екі кезеңнің заңнамалық құжаттары зерделенген. Алғашқы кезеңде кеңестік террордың жалпы құқықтық базасының қалыптасқаны анықталды, оның аясында әйелдер әлі де жәбірленушілердің ерекше санаты ретінде бөлінбегенімен, таптық және саяси қудалау тетіктері арқылы репрессивтік практикаға тартылған. Екінші кезең, ұжымдастыру, кулактарды тәркілеу және НКВД-ның рөлінің күшеюі жағдайында, әйелдер репрессиялардың объектісіне жиі және тек айыпталғандардың туыстары ретінде ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік наразылықтарға қатысушылар әрі «әлеуметтік қауіпті» мәртебе иелері ретінде қарастырылды. Қорытындыда автор саяси қуғын-сүргіннің нормативтік-құқықтық базасы зорлық-зомбылықты институционалдандыруға бағытталған мемлекеттік саясаттың маңызды элементі болғанын, ал қуғын-сүргіннің гендерлік қыры кеңестік әлеуметтік және құқықтық жүйенің терең қайшылықтарын көрсететінін атап өтеді.

Кілт сөздер: нормативтік-құқықтық база, саяси қуғын-сүргін, ГУЛАГ әйелдері, гендерлік аспект, контрреволюциялық қылмыстар, «халық жаулары», соттан тыс органдар, КСРО.

K.K. Abdrakhmanova

Women in the System of Political Repressions in the USSR (1918–1950s): A Legal and Regulatory Analysis (Stages 1 and 2)

The article is devoted to the analysis of the Soviet legal and regulatory framework of political repressions in the 1918–1950, with a focus on the gender aspect. The study examines the key stages in the formation of Soviet repressive legislation, beginning with the first decrees of the revolutionary period and concluding with the institutionalization of repressive practices during the Stalinist era. Particular attention is paid to identifying the mechanisms through which state violence acquired a legitimized character and became a stable instrument of political governance over society. The author analyzes the main laws, codes, resolutions, and directive documents that reveal the nature and scale of repressive policies toward women. The source base of the study consists of decrees of the Council of People's Commissars (Sovnarkom) and the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK), resolutions of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR, criminal and corrective labor codes, as well as departmental acts of the OGPU and NKVD, which made it possible to trace the evolution of the legal institutionalization of the repressive system. The gender approach makes it possible to identify the specific features of women's position under Soviet repressive policies. It is shown that, despite the formally proclaimed principle of equality, women were subjected to repression both as independent targets of persecution and as members of the families of "enemies of the people". It is emphasized that women proved to be particularly vulnerable in the context of the expansion of extrajudicial practices, administrative exile, forced labor, and collective responsibility based on family affiliation. By systematizing the existing legal framework, the author identifies five stages from 1917 to 1958, where the main criterion is the normative documents aimed at either tightening or easing repressive policies toward the female population. The article examines the legislative documents of the first two stages, covering the period from 1917 to August 1937. It has been established that during the first stage, a general legal framework of Soviet terror was formed, within which women were not yet singled out as a distinct category of victims; however, they were already incorporated into repressive practices through mechanisms of class-based and political persecution. During the second stage, in the context of collectivization, dekulakization, and the strengthening of the NKVD's role, women increasingly became targets of repression—not only as relatives of the accused, but also as participants in social protests and as bearers of a "socially dangerous" status. In conclusion, the author argues that the legal and regulatory framework of political repressions was a crucial element of state policy aimed at institutionalizing violence, while the gender dimension of repression reflects the deep contradictions of the Soviet social and legal system.

Keywords: legal and regulatory framework, political repressions, women of the Gulag, gender aspect, counterrevolutionary crimes, "enemies of the people", extrajudicial bodies, USSR.

References

- 1 Arendt, Kh. (1996). *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. M.S. Kovaleva, D.M. Nosova (Ed.). Moscow: TsentrKom [in Russian].
- 2 Friedrich, C.J., & Brzezinski, Z.K. (1956). *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge: Harvard University Press.
- 3 Fuko, M. (1999). *Nadzirat i nakazyvat: Rozhdenie tiurny* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem [in Russian].
- 4 Tilly, C. (2003). *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 5 Garland, D. (1990). *Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory*. Chicago: University of Chicago Press.
- 6 Scott, J.W. (1988). *Gender and the Politics of History*. New York: Columbia University Press.
- 7 Viola, L. (2007). *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford: Oxford University Press.
- 8 Fitspatrik, Sh. (2008). *Povsednevnyi stalinizm. Sotsialnaia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Soviet Russia in the 1930s: A Social History]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) [in Russian].
- 9 Lenin, V.I. (1974). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete set of works]. Vol. 35. K naseleniiu [To the Population]. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 10 (1957). *Dekrety Sovetskoi vlasti. Tom I. 25 oktiabria 1917 g. — 16 marta 1918 g.* [Decrees of Soviet Power. Vol. I. October 25, 1917 — March 16, 1918]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury [in Russian].
- 11 Lenin, V.I. (1974). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 35. Proekt dekreta o provedenii v zhizn natsionalizatsii bankov i neobkhodimosti v sviazi s etim merakh [Draft decree on the implementation of the nationalization of banks and the need for related measures]. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 12 Lenin, V.I. (1974). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 54. Dopolneniia k proektu Postanovleniia SNK o razgranichenii funktsii VChK i sledstvennoi komissii pri Petrogradskom Sovete [Amendments to the draft Council of People's Com-

missars Resolution on the delineation of the functions of the Cheka and the investigative commission under the Petrograd Soviet]. Moscow: Politizdat [in Russian].

13 Lenin V.I. (1975). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 36. Rezoliutsiia o voine i mire [Resolution on War and Peace]. Moscow: Politizdat [in Russian].

14 Litvin, A.L. (1993). Krasnyi i belyi terror v Rossii. 1917–1922 [Red and white terror in Russia. 1917–1922]. *Otechestvennaia istoriia — National History*, (6), 46–62 [in Russian].

15 Yakovleva, A.N. (Ed.). (2000). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei* [The Gulag: Main Administration of Camps, 1918–1960]. Moscow: MFD [in Russian].

16 Ivanova, G.M. (2006). *Istoriia GULAGa, 1918–1958: sotsialno-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty* [History of the Gulag, 1918–1958: Socio-Economic and Political-Legal Aspects]. Moscow: Nauka [in Russian].

17 (1943). *Sobranie zakonov i rasporiazhenii rabocheho i krestianskogo Pravitelstva za 1919 g.* [Collection of Laws and Decrees of the Workers' and Peasants' Government for 1919]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury [in Russian].

18 Galili, Z., & Nenarokov, A. (2000). *Mensheviki v bolshevistskoi Rossii. 1918–1924. Mensheviki v 1919–1920 gg.* [The Mensheviks in Bolshevik Russia, 1918–1924. The Mensheviks in 1919–1920]. Moscow: ROSSPEN [in Russian].

19 Avtorkhanov, A. (1991). Lenin v sudbakh Rossii: Glavy iz knigi. Vlast — vse, idei — ничто [Lenin in the Fate of Russia: Chapters from the Book 'Power Is Everything, Ideas Are Nothing']. *Novyi mir — A new world*, 1, 165–179 [in Russian].

20 Lenin, V.I. (1970). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 44. Pismo D.I. Kurskomu «O zadachakh Narkomiusta v usloviakh NEP, fevral 1922 g» [Letter to D.I. Kursky "On the Tasks of the People's Commissariat of Justice under the NEP, February 1922"]. Moscow: Politizdat [in Russian].

21 Lenin, V.I. (1970). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 45. Dopolnenie k projektu vodnogo zakona k Ugolovnomu Kodeksu RSFSR i pisma D.I. Kurskomu [Supplement to the draft water law to the Criminal Code of the RSFSR and letters to D.I. Kursky]. Moscow: Politizdat [in Russian].

22 Kurskogo, D.I. (1924 RSFSR). *Ugolovnyi kodeks ot 01.06.1922 g.* [The Criminal Code of the RSFSR of 01.06.1922]. Moscow: Izdanie Voennoi kollegii Verkhovnogo tribunala VtsIK [in Russian].

23 Gertsenzon, A.A. (1953). *Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatelstva SSSR i RSFSR, 1917–1952 gg.* [Collection of Documents on the History of Criminal Legislation of the USSR and the RSFSR, 1917–1952]. Moscow: Gosizdat [in Russian].

24 Postanovleniia Prezidiuma TsIK SSSR «Osnovnye nachala ugolovnogo zakonodatelstva Soiuza SSR i Soiuznykh Respublik» [Resolutions of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR «Fundamental Principles of Criminal Legislation of the USSR and Union Republics». (n.d.). *libussr.ru*. Retrieved from https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2237.htm?utm_source [in Russian].

25 (1926). *Ugolovnyi kodeks RSFSR: redaksii 1926 goda* [The Criminal Code of the RSFSR: editions of 1926]. Moscow: Yuridicheskoe izdatelstvovo NKYu RSFSR [in Russian].

26 (1937). *Konstitutsiia SSSR 1936 g.* [The Constitution of the USSR 1936]. Moscow: Izdanie TsIK SSSR [in Russian].

27 Danilov, V.R., Manning, R., & Violy, L. (Eds.). (1999). *Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: «Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia» (ROSSPEN) [in Russian].

28 Danilov, V.R., Manning, R., & Violy, L. (Eds.). (2000). *Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and materials]. Vol. 2. Moscow: «Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia» (ROSSPEN) [in Russian].

29 Pokrovskii, N.N. (Ed.). (2005). *Politbiuro i krestianstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940* [The Politburo and the Peasantry: expulsion, special settlement. 1930–1940: expulsion, special settlement. 1930–1940]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) [in Russian].

30 Kukushkina, A.R. (2002). *Akmolinskii lager zhen «izmennikov rodiny»: istoriia i sudby* [Akmola Camp for Wives of «Traitors to the Motherland»: History and Fates]. Karaganda: Trade Elena i K [in Russian].

31 Danilov, V.R., Manning, R., & Violy, L. (Eds.). (2001). *Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and materials]. Vol. 3. Moscow: «Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia» (ROSSPEN) [in Russian].

32 (1948). *Sobranie zakonov i rasporiazhenii Raboche-krestianskogo pravitelstva SSSR za 1933 g.* [Collection of Laws and Decrees of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1933]. Moscow: Politizdat [in Russian].

33 (1925). *Ispravitelno-trudovoi kodeks RSFSR s dopolnieniami po 15 avgusta 1925 g.* [Correctional Labor Code of the RSFSR with amendments up to August 15, 1925]. Leningrad: Izdatelstvo «Rabochii sud» [in Russian].

34 (1948). *Sobranie zakonov i rasporiazhenii Raboche-krestianskogo pravitelstva SSSR za 1934 g.* [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1934. Section One]. Moscow: Politizdat [in Russian].

35 (1935). *Sobranie zakonov i rasporiazhenii Raboche-krestianskogo pravitelstva SSSR za 1934 g. Otdel pervyi* [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1934. Section One]. Moscow: Politizdat [in Russian].

36 Yakovleva, A.N., & Vilenskii, S.S. (Eds.). (2002). *Deti GULAGa. 1918–1956* [Children of the Gulag. 1918–1956]. Moscow: MFD [in Russian].

Сведение об авторе

Кымбат К. Абдрахманова — к.и.н., ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории, Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0001-8775-7089>

Information about the author

Kymbat K. Abdrakhmanova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Archeology, Ethnology, and Kazakhstan History, Buketov Karaganda National Research University, Karaganda, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0001-8775-7089>